

УДК 1(091)

СВЕРХИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИЛИ АПРОПРИАЦИЯ?

М. Н. Вольф

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
rina.volf@gmail.com

И. В. Берестов

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
berestoviv@yandex.ru

Аннотация. В статье обсуждаются разные трактовки интерпретации, которые толкуют ее как универсальный метод гуманитарных наук. Особое внимание уделено трактовкам У. Эко и Э. Бэтти, которые хотя и не согласны между собой, однако противопоставляются философскому или аналитическому пониманию интерпретации, которое мы называем в статье апроприационистским. Присущий апроприационизму способ интерпретировать прошлое нередко грозит сверхинтерпретацией, за что он критикуется сторонниками контекстуализма. Мы анализируем интерпретацию через призму трех предложенных нами скептических аргументов, «концептуальный релятивизм», «горгианские умы», «часть и целое». Скептические аргументы часто используются в философии как дополнительный фильтр для проверки состоятельности тех или иных концепций, и хорошо видно, что контекстуалистская концепция интерпретации этот фильтр не проходит. Тезисом, что апроприация действительно является сверхинтерпретацией, можно принять лишь с той оговоркой, что для строго философского способа рассуждения и изнутри апроприационизма другой вариант интерпретации будет несостоятелен.

Ключевые слова: интерпретация, сверхинтерпретация, скептические аргументы, апроприационизм.

Для цитаты: Вольф, М. Н., Берестов, И. В. (2020). Сверхинтерпретация или апроприация? *Respublica Literaria*. Т. 1. № 1. С. 58-68. DOI:10.47850/RL.2020.1.1.58-68.

OVERINTERPRETATION OR APPROPRIATION?

M. N. Volf

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
rina.volf@gmail.com

I. V. Berestov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
berestoviv@yandex.ru

Abstract. The article discusses various approaches to interpretation, which understand it as a universal method of the humanities. Particular attention we paid to the interpretations in U. Eco and E. Batti, who, although do not agree with each other, however, are opposed both to the philosophic or analytic understanding of interpretation, which we call the appropriationist approach. The way of interpreting the past inherent in appropriationism often threatens with overinterpretation, for which it is criticized by adepts of contextualism. We analyze the interpretation through the prism of three skeptical arguments we offered, “conceptual relativism”, “Gorgians’ minds”, “the part and the whole”. Skeptical

arguments are often used in philosophy as an additional filter for testing the consistency of the concepts, and it is clearly seen that the contextualist concept of interpretation does not pass this filter. The thesis that appropriation is indeed an overinterpretation can be accepted under reserve that for a strictly philosophical way of reasoning and from within appropriationism, another version of interpretation is inconsistent.

Keywords: interpretation, overinterpretation, skeptical arguments, appropriationism.

For citation: Volf, M. N., Berestov, I. V. (2020). Overinterpretation or appropriation? *Respublica Literaria*. Vol. 1. no. 1. pp. 58-68. DOI:10.47850/RL.2020.1.1.58-68.

В предыдущих работах, обсуждая контекстуалистский и апроприационистский подходы к изучению прошлого философии, а также отношение внутри этих подходов к интерпретации текста и контекста, мы прежде всего говорили о них как о методах философской интерпретации прошлого, какую роль они играют для формирования отношения философии к ее истории в рамках самого же философского сообщества [Берестов и др., 2019]. Нам представлялось важным обратить внимание на особенности интерпретирования прошлого философии, поскольку можно встретить такие точки зрения, согласно которым историко-философские методы сводятся или к сугубо историческим, или – к филологическим, и при этом нивелируются особенности, которые сопутствуют знанию о прошлом философии, придают ему свой особенный, уникальный колорит. Однако, особенно в тех случаях, когда гуманитарное знание противопоставляется точному или естественно-научному, о методах гуманитарных наук говорят в обобщенном значении, как об универсальных для этой категории дисциплин методах. Интерпретация, как правило, фигурирует в качестве образца такого универсального метода. На деле же методы каждой гуманитарной науки обладают достаточно узкой спецификой, которая зачастую не дает возможности один и тот же метод в равной мере применять в разных гуманитарных и общественных науках, что справедливо для философии и ее истории.

Одним из условий состоятельности интерпретации представляется необходимость для интерпретатора погружаться в текст и в исторический контекст его написания. Это вполне соответствует требованиям контекстуализма, но делает несостоятельным апроприационизм («присваивающий» подход), поскольку его сторонники преследуют не столько поиск истинных намерений какого-либо философа прошлого, сколько обнаружение в его мысли некоторых готовых решений для актуальных проблем философии. Сторонники «присваивающего» подхода отнюдь не всегда заинтересованы в полной и достоверной картине прошлого или в адекватном их историческим реалиям понимании философских доктрин. Разумеется, не занимаясь при этом намеренным искажением взглядов философов, они полагают историю философии источником идей и аргументов для современной философии. Нередко доктрины прошлого переносятся на современную почву в таком виде, что почти полностью утрачивают собственный контекст и содержание, в лучшем случае сохраняя только некоторые из когда-то присущих им черт. Такая оценка чужих бы то ни было взглядов, которую позволяют себе апроприационисты, для сторонника исторической науки скорее всего покажется слишком вольной и недопустимой, а для сторонников буквального прочтения текстов преимущественно на языке оригинала и в контексте биографических реалий и социального окружения автора – и вовсе самым настоящим преступлением против

прошлого. Видно, что даже в рамках одной дисциплинарной области говорить о единстве методов затруднительно.

В действительности, к интерпретации возникает масса вопросов. На каких основаниях будет приемлема та или иная интерпретация, что позволяет нам вставать на позиции одной и критически оценивать другую, одну интерпретацию принимать в качестве стандартной, а другую отвергать как нелегитимную? Контекстуалисты предпочитают критерии, которые характерны для понимания интерпретации в области литературной критики, принимая во внимание треугольник «текст–автор–читатель», и будут стремиться учесть любой возможный контекст, создаваемый каждым элементом этой триады, как то: биографические подробности жизни автора, время написания текста, социальные реалии, аудитория, для которой этот текст предназначался и т. д. Апроприационисты без труда элиминируют из этой триады автора и читателя, принимая во внимание только текст, читая его как *трактат*. Такое чтение исключает жизненную драму автора, проникновение в его намерения, понимание того, что автор хотел или не хотел сказать своим текстом, с кем находился в конфронтации, служил ли этот текст инструментом, оружием или игрой. Апроприационистская интерпретация служит исключительно прочтению текста из самого себя, и тем самым приобретает аналитический характер, т.е. стремится эксплицировать логическую структуру текста, ясность изложения, строгость аргументации и т. д. Иными словами, это – подход в духе радикальной интерпретации Д. Дэвидсона, которая признает только самый минимальный набор ключей, необходимых интерпретатору, чтобы каким-то минимальным образом понять текст. Уже на этих основаниях становится понятно, что философская интерпретация несколько выбивается из ряда принятых в гуманитарных науках.

Двадцатый век знал двух, среди прочих, мощных защитников интерпретации – Э. Бетти и У. Эко, чьи позиции, хотя и занимают разные полюсы в отношении друг друга, тем не менее, противостоят тому, что мы назвали бы философской (равно аналитической, или радикальной) интерпретацией. Работы Бетти, посвященные интерпретации, отмечают разные грани этого метода. «Общая теория интерпретации» (1955) [о концепциях и подходах Бетти в этой книге см.: Россиус, 2015, с. 130-144] ставит задачей уравнивать статус теории интерпретации с научными теориями, и этой задаче созвучно желание придать интерпретации объективный характер, и согласовать, с одной стороны, эпистемический статус точных и естественных дисциплин, с другой стороны – гуманитарных; а кроме того, герменевтика, истолкованная таким образом, смогла бы «служить лекарством от того вреда, который наносит современная специализация в сфере гуманитарного знания» [Цит. по: Россиус, 2015, с. 131].

Другая его работа, «Герменевтика как общая методология наук о духе» (1962), призвана восстановить статус герменевтики в Германии, где она стала «старомодной», а «богатое наследие герменевтической мысли напрочь забыто», фактически бросая вызов той традиции философской герменевтики, которая утвердилась вместе с учением Гадамера [Бетти, 2011]. С другой стороны, как это явствует из названия, Бетти и здесь стремится придать интерпретации статус общегуманитарного метода: «Сегодня мои усилия направлены не на то, чтобы оправдать метод истолкования для сомневающихся специалистов, но только на разработку идеи герменевтики как общей методологии наук о духе; при этом я хочу различить истолкование и наделение смыслом, чтобы защитить объективность результатов

истолкования от новейших возражений» [Бетти, 2011, с. 12]. При этом, когда в более ранней работе Бетти оговаривает, что герменевтика «должна иметь характер науки, но не философии, и, следовательно, не должна быть причислена ни к какой философской системе» [Цит. по: Россиус, 2015, с. 131], он, разумеется, не отказывает философии в возможности использовать интерпретацию в качестве собственного метода, но лишь подчеркивает, что нет нужды обсуждать какой-то частный подход, в том числе, философский, когда перед гуманитарным сообществом стоит более важная задача обосновать необходимость общегуманитарного метода.

У. Эко включается в общеевропейскую дискуссию о природе значения, его продуцировании и границах интерпретации и развивает дискурс не только о самой интерпретации, но и о ее негативной версии, той, которая эти границы нарушила – сверхинтерпретации (*overinterpretation*) [Есо, 1992]. Главной задачей для Эко видится то, как заставить интерпретатора уважать культурные и лингвистические основания того текста, с которым он работает [Ibid, p. 69]. Такая установка делает Эко явным сторонником контекстуализма, а высказанные им опасения в отношении сверхинтерпретации и уход от философской проблематики при обсуждении вопросов интерпретации усиливают это впечатление. При этом, если Бетти сознательно отворачивается от философского понимания интерпретации, то Эко остро привержен литературе и не делает попыток выйти на какую-либо философскую дискуссию; и в том, и в другом случае философская проблематика, сопровождающая дискуссии о границах интерпретации, остается в стороне.

Кстати говоря, на то, что Эко в его лекциях об интерпретации недостает философского содержания, обращает внимание Р. Рорти, который свой отзыв на эти лекции пишет так, словно он ждал более философского подхода, а ему, вопреки ожиданиям, приходится иметь дело с литературой. Рорти в своем отзыве, цитируя статью Эко «*Intentio lectoris*», протестует против предложенного в ней различения интерпретации текста и его использования (Рорти, 93). Именно *использование* у Эко чревато сверхинтерпретацией [Есо, 1992, p. 93]. Рорти замечает, что если интерпретация предполагает проникновение внутрь самого текста, то использование соотносит текст с чем-то еще, внешним по отношению к изучаемому тексту и его контексту. Такое деление на внутреннее к тексту и внешнее по отношению к нему дает возможность разграничить корректное и некорректное чтение текста и настаивать на преимуществе внешнего, которое наиболее адекватно отражает не только содержание текста, но и авторскую интенцию при его написании. Рорти отмечает, что Эко «не слишком задумывается о не-интерпретационном использовании текста» [Ibid, p. 93]. Тем самым, как кажется, Эко попадает в лагерь апроприационистов, согласно нашему описанию, поскольку его интересует только сам текст и не интересует внешнее, контекст. Однако в этом случае несколько «плывет» понимание контекста и содержания текста при их сопоставлении с присваивающим подходом. Здесь стоит отметить, что у Эко иное понимание контекста, и к этому моменту мы вернемся ниже.

Далее Рорти настаивает, что по крайней мере для него как для прагматиста и анти-эссенциалиста, это различение использования и интерпретации не имеет смысла – любой текст всегда используется, и настаивать на том, что в одном случае происходит углубление в сам текст, а в другом он соотносится с чем-то еще, что отдаляет текст от его внутреннего

содержания, неправильно. Любое прочтение текста – и философское и нефилософское – это всегда его сопоставление с чем-то внешним, поскольку читая текст, читатель так или иначе будет преломлять его содержание через свой личный опыт или через опыт эпохи, поколения и т.д. Любая попытка это опровергнуть ведет к отказу от апроприационизма, который не просто стремится использовать тексты, но и делает такое использование одной из добродетелей философа: смысл присваивающей интерпретации заключается в вовлечении философа прошлого в актуальные дискуссии, при этом те рассуждения, которые в концепциях прошлого представляются ошибочными или тупиковыми с современных позиций, хотя и явно не коррелируют с интенциями автора – автор не считал, что заблуждался, – тем не менее позволяют сохранять и актуализировать прошлое, и посредством диалога поддерживать связь прошлого и будущего. Итак, мы видим, что фокус интереса Рорти смещен на читателя, его бэкграунд и его цели, тогда как Эко смещает акценты в данном треугольнике на автора и текст, проясняя посредством понятий «интенция текста» и «интенция автора», где лежат границы присвоения и сверхинтерпретации. Отсюда и иное понимание контекста.

Текст в таком аспекте может жить автономно, независимо от автора, и сам в себе содержит такие триггеры, которые могут запустить фантазию читателя, или последовательность некоторых ассоциативных рядов, о которых автор даже не предполагал. Эко считает такой способ прочтения законным, поскольку ассоциации вызываются текстом, а не собственным произволом читателя [Есо, 1992, р. 62]. Однако, как проверить, насколько такого рода интерпретации согласуются с интенцией автора? Есть два способа: контекст и когерентность текста. Мы помним, что интерпретатор должен уважать культурные и лингвистические основания текста и не выходить за их пределы, даже если его фантазии и ассоциации позволяют покинуть определенный контекст, в противном случае это приведет к сверхинтерпретации. Что касается когерентности, то предполагается, что интерпретация любой части текста не должна противоречить какой-либо другой его части, и тем более всему тексту в целом. «Только приняв второй вариант дилеммы, можно задаться вопросом, является ли найденное тем, что говорит текст в силу его текстуальной связности и изначальной системы значений, лежащей в его основе, или тем, что адресаты нашли в нем в силу своих собственных систем ожиданий», пишет Эко [Ibid, p. 64].

Большей части этих проблем можно избежать, если автор текста жив, и в ответ на наши интерпретации в духе «автор имел в виду» или «автор хотел сказать», отзывается возражением «Я вовсе не это имел в виду!». Такой вариант является прекрасным способом проверки истинности¹ интерпретации: если интерпретация читателя не совпала с видением автора, то мы имеем дело со сверхинтерпретацией. Однако даже «живой», эмпирический автор может согласиться с такой интерпретацией читателя, которая хотя и не совпала с изначальной интенцией автора, но привнесла в текст яркости и интриги, дополнительные коннотации. В случае, если автор текста уже не сможет заступиться за свой текст, и читатель не сможет отследить ни реакцию автора на его интерпретацию, ни принять его возможные возражения, то за текст сможет вступить только его целостность [Ibid, p. 65]. При этом именно на автора

¹ Здесь и далее мы будем использовать сочетание «истинная интерпретация» в значении «адекватно отражающая содержание текста и интенции его автора».

ложится ответственность за предельную ясность и логическую связность текста, в противном случае, в отсутствие целостности, за текст некому будет вступить, и с этого момента начинается вполне легитимный произвол интерпретатора. Это в свою очередь дает нам дополнительные основания для законности апроприационистского подхода, поскольку именно он озабочен установлением аналитичности текста, его внятности и когерентности вне зависимости от контекста и интенции автора.

В целом мы видим, что интерпретация, как она понимается у Эко и Бетти, тяготеет к объективному прочтению текста. Однако сами понятия объективного и субъективного трактуются ими совершенно по-разному. Для Эко субъективное – это внешнее по отношению к тексту, то, что вносится, вчитывается в текст самим читателем, и подчеркнем еще раз, контекст в таком понимании не является чем-то внешним по отношению к тексту, он существует вместе с самим текстом, и также должен быть отнесен к внутреннему. И именно здесь пролегает грань между интерпретацией и сверхинтерпретацией. Для Бетти ту субъективность, которую вносит читатель, независимо от степени аккуратности работы с текстом, устранить можно только на уровне общего подхода, выработки общего согласованного взгляда наук о духе, и только таким образом можно приблизиться к объективным трактовкам. Фактически, и у Бетти, и у Эко мы способны найти апроприационистскую позицию. В частности, у Бетти мы обнаруживаем замечание, вполне сочувствующее апроприационизму, который вводится посредством понятия субъективности: «Именно поэтому совершенно бессмысленно стремление многих историков избавиться от собственной субъективности. И именно в рамках исторического истолкования наивно думать, что задача историка исчерпывается голым сообщением о том, что засвидетельствовано источниками, и видеть в этих свидетельствах единственно истинную историю. Кто думает так, тот забывает, что все, чем овладевает наш дух, тем самым вовлекается в уже существующий мир наших представлений и понятий. На этом пути всякий новый опыт посредством своего рода присвоения (*Anverwandlung*) становится частью нашего живого духовного космоса; и по мере вовлечения в этот космос новых переживаний они попадают в зависимость от его трансформаций» [Бетти, 2011, с. 41]. Таким образом, Бетти также смотрит на текст сквозь треугольник «текст—автор—читатель», но расширяет границы читательской аудитории до пределов объективного духа и всей совокупности гуманитарных наук. И мы хорошо видим, что даже обнаруженные тенденции к апроприационизму у обоих авторов отнюдь не являются тем апроприационизмом, который приветствует свободный диалог текста и его читателя.

На основании всего сказанного возникают вопросы: следует ли считать апроприацию сверхинтерпретацией, если апроприационисты не учитывают контекст в смысле интенции автора, явно не избегают субъективистских трактовок и постоянно принуждают автора текста вступать с ними анахроничный диалог, является ли такая интерпретация насилием над текстом и насколько она легитимна. Ниже мы остановимся на своем отношении к этим вопросам, переведя дискуссию в философский контекст.

Защищая тезис о сохранении специфики методов, мы теперь хотим показать, что хотя аргументы сторон (Э. Бетти и У. Эко) преследуют разные цели, в числе которых создание общей методологии наук о духе, различение истолкования и наделения смыслом, наконец, сохранение уважения к культурному и лингвистическому бэкграунду в процессе

интерпретации, тем не менее, они все оказываются чувствительны к ряду скептических, сугубо философских аргументов. На наш взгляд, эти аргументы касаются в целом слабых мест герменевтики, независимо от их конечных целей. Другие гуманитарные науки могут или игнорировать эти скептические аргументы, или, чувствуя проблему, считать ее тем не менее решаемой. Но это будут достаточно слабые позиции, поскольку в первом случае мы сталкиваемся с ситуацией, когда незнание проблемы хотя и освобождает от ее решения, однако проблема сохраняется, а во втором случае нужно помнить, что предлагаемые решения будут даны отнюдь не с философских позиций, что также не ведет к решению проблемы. Для самих философов, следствием из непреодолимости этих аргументов будет невозможность дать *истинную* интерпретацию, и в таком случае – принятие сверхинтерпретации как метода, равнозначного по степени достоверности результатов с интерпретацией, то есть допустимость работы вне текста и выход за пределы его контекста, что фактически совпадает с требованиями апроприационизма и дает еще один довод в его защиту.

Аргумент первый. Концептуальный релятивизм

Итак, интерпретация – это работа с текстом как он есть, с объективным его прочтением, которое гарантирует доступ к истинному содержанию, и в случае, когда любое субъективное прочтение, в том числе апроприационистское прочтение, или использование, или точка зрения частной науки (по Бетти) оказываются субъективной внешней трактовкой, это приводит к сверхинтерпретации. Тем не менее, чтобы понять другого в полной мере, необходим полный набор словарей, знание языка, на котором говорит автор (всех его идиом, особенностей стиля и пр.), и самое трудное – мыслей, которые он держал в голове и *истинных* значений его слов, то есть той самой *интенции автора*. Все это, в свою очередь, означает, что подход к тексту должен быть или крайне формализованным, либо любая предложенная интерпретация в духе «автор хотел сказать, что...», «автор хотел показать, что...», если только сам автор в самом этом тексте не написал «я хотел сказать этим текстом», «на самом деле, я думал, когда писал этот текст, о», окажется крайне сомнительной.

Любой текст создается определенной эпохой, культурой и на определенном языке, иными словами, он возникает в пределах какой-либо конкретной концептуальной схемы. Даже если, следуя требованию Эко, уважать культурные и лингвистические основания, на которых базируется текст, но читать его при других условиях, текст будет перенесен в другую концептуальную схему и будет наделен совершенно иным смыслом, поневоле обретая другие коннотации, не специфические для эпохи. Может ли текст противостоять концептуальной схеме, с точки зрения которой он читается? Не может и не должен, и как правило не пытается этого делать. Когда текст погружается в иную, чем создавшая его, концептуальную схему, происходит апроприирование текста, и он начинает удовлетворять пониманию и проблематике той эпохи, культуры, языка, в которых он тем самым оказался.

Д. Дэвидсон, возражая против идеи концептуальной схемы, обращает внимание на то, что в самом концептуальном релятивизме, признающем множественность и несоизмеримость концептуальных схем (языков, культур, религий и пр.) содержится один парадокс: «различие точек зрения имеет смысл, если есть общая координирующая система, которую они должны разделять, но существование этой системы противоречит самой идее их драматической

несоизмеримости...» [Дэвидсон, 1993, с. 146]. Однако в случае апроприационистского подхода этот парадокс не выполняется. Предположим, что существуют некоторые тексты, созданные в разных концептуальных схемах, т.е. написанные в разное время, разными авторами и на разных языках, содержащие, соответственно, точки зрения TZ_1 , TZ_2 и TZ_3 , и разумеется, согласно концептуальному релятивизму, эти точки зрения несоизмеримы. Существует также интерпретатор, стоящий на TZ_0 изнутри его собственной концептуальной схемы и она, с точки зрения Дэвидсона, несоизмерима трем остальным, хотя и претендует на то, чтобы служить координирующей для них системой. Однако несоизмеримость сохраняется только в том случае, если и до тех пор, пока TZ_1 , прочитанная изнутри TZ_0 , сопротивляется включению ее в новый контекст. Как только эта операция будет выполнена, TZ_1 будет утрачена и возникнет TZ_1' , адаптированная к новым условиям, переведенная на другой язык и включенная в новый контекст. Она сохранит кое-что от себя прежней, но тем не менее, будучи апроприрована, изменится таким образом, что концептуальные схемы для TZ_0 и TZ_1' могут считаться идентичными, причем TZ_0 действительно выступает в качестве координирующей схемы. Тем самым апроприация позволяет устранить несоизмеримость, но и устраняет возможность объективной интерпретации. Можем ли мы считать прочтение TZ_1' изнутри TZ_0 сверхинтерпретацией? Отнюдь, поскольку никакой другой интерпретации, отличной от той, которая основывается на ее собственной концептуальной схеме, TZ_0 предложить не может. Иначе говоря, любые попытки прочесть TZ_1 будут блокироваться несоизмеримостью, а любые попытки работы с TZ_1' выполнимы и означают легитимный перенос искомого текста с его культурных и лингвистических оснований в совершенно иные.

Аргумент второй. Горгианские умы

Несоизмеримость возникает в случае попытки передать разные концептуальные схемы посредством разных языков (L_k и L_q). Однако, если мы будем иметь дело с горгианскими умами, то несоизмеримость будет возникать уже в пределах одной концептуальной схемы и в рамках одного языка, скажем, L_q . Горгианскими умами мы называем такие умы, на которые распространяются скептические аргументы Горгия, и для которых характерно, что слушающий мыслит не тоже самое, что произносит говорящий. Происходит это в силу следующих оснований. Во-первых, если бы слышимое и произносимое было бы тождественно, то, по закону тождества, тождественными бы стали и умы. Во-вторых, в коммуникации передаются слова, но не сами вещи; слово не способно объяснить предмет, поскольку отлично по природе от видимого и слышимого, которые, в отличие от слова, имеют непосредственный доступ к вещам. Слово служит только знаком вещи, но не обладает необходимым значением, и тем самым в коммуникации передается знак, а не значение [Берестов, Вольф, 2020].

Поскольку в коммуникации передаются только знаки, а не их значения, то все сказанное может быть интерпретировано совершенно не тем способом и не в тех значениях, которые изначально замысливал говорящий или автор текста. В самом тяжелом случае, произносимое для слушателя вообще будет лишено искомого значения, поскольку он изначально не знает всех исходных значений внутри всей системы описания вер говорящего. Это усложняется еще и тем, что в системе вер любого человека все ее части определенным образом взаимосвязаны, и если упускается хотя бы одна часть, то строго говоря, без этой части невозможно будет

реконструировать целое. Тем более, что передаваемые знаки не несут никакого значения, и будут наделяться таким значением, которое припишет им слушатель исходя из собственной системы вер, и это тем более не сможет помочь ситуации. Тем самым, из сказанного следует, что мы вообще никогда не сможем получить истинной и универсальной интерпретации, каждый раз это будет субъективная сверхинтерпретация содержания соседнего ума другим умом.

Единственная альтернатива для преодоления несоизмеримости в горгианских умах и сохранения возможности интерпретации (хотя сам Горгий ее отверг в *MXG 980b10* [Вольф, 2014]) заключается в отождествлении умов, обладающих единой концептуальной схемой. Только в том случае, если вы переписываете личность, заставив ее с этой минуты оперировать вашим и только вашим описанием системы ваших же представлений, или каким-то образом наделите знаки из разных систем описания тождественным значением, вы будете иметь дело с интерпретацией. Данная альтернатива также неприемлема, поскольку подразумевает, что для того, чтобы процедура интерпретации состоялась, следует лишить концептуальную схему интерпретатора ее специфического содержания, иначе говоря, вместо предложений вида $P(a)$ в этой системе придется использовать предложения вида $X(x)$.

Аргумент третий. Проблема части и целого

Далее, если все-таки допустить, что в процессе коммуникации горгианских умов были переданы не только знаки, но и значения, то что считать маркером того, что коммуникация прошла успешно, интерпретация состоялась, и в ходе ее значения были каким-то образом сконструированы и усвоены интерпретатором? Любая внешняя оценка окажется субъективной и должна быть отброшена. Кроме того, сама такая возможность блокируется проблемой части и целого. Указанное выше требование когерентности текста в случае претензии на его понимание распространяется совместно на текст и на интерпретирующий его горгианский ум. Иными словами, интерпретированный тем или иным образом текст должен войти в качестве некоторой части в систему вер интерпретатора. Но сделать он это сможет только в том случае, если эта часть совпадет с целым – целым текста, включая изначальную интенцию автора, и целым системы вер интерпретатора. В таком случае, как кажется, интерпретатор и интерпретирующий должны обменяться своими системами убеждений, чтобы интерпретация как часть была когерентна обоим целым. Возможно это сработало бы в том случае, если бы смогли обойти аргумент горгианских умов, но даже в том случае легитимной считалась бы только та интерпретация текста, автор которой мог бы вступить в коммуникацию с интерпретатором. Обмен системами вер между автором прошлого и нашим современником очевидно невозможен в рамках контекстуализма, а в рамках апроприационизма предпринимаются попытки наладить диалог с автором, но только в рамках части его системы вер – искомого текста. Если же строго следовать горгианству, то в любом случае какой-либо части системы вер будет недостаточно для интерпретации, она состоится только в том случае, если личность или интерпретатора, или автора будет стерта и подменится личностью автора или интерпретатора, а это слишком большая цена для истинной интерпретации. Поэтому кажется, что в качестве легитимной сверхинтерпретация будет вполне пригодной.

Таким образом, можно говорить о том, что интерпретация является общегуманитарным методом, однако не стоит списывать со счетов специфику какой-либо отдельной дисциплины, поскольку от этого существенно зависят трактовки и применение самой интерпретации. Это хорошо видно на примере философии и ее истории. От других дисциплин и сторонников их способа понимания интерпретации часто звучат упреки в сторону философского способа интерпретировать прошлое, который нередко носит апроприативный характер и тем самым грозит сверхинтерпретацией. Однако если последовательно применять скептические аргументы, которые часто используются в философии как дополнительный фильтр для проверки состоятельности тех или иных концепций, то хорошо видно, что контекстуалистская концепция интерпретации этот фильтр не проходит. В более слабой, апроприационистской версии (сверх)интерпретация, пусть не как совпадающая с интенциями автора и адекватно понимающая текст, но по крайней мере приемлемая и легитимная, может состояться. В целом можно согласиться с тем тезисом, что апроприация действительно является сверхинтерпретацией, но лишь с той оговоркой, что для строго философского способа рассуждения и изнутри апроприационистского подхода другой вариант интерпретации текстов и доктрин будет несостоятелен.

Список литературы / References

- Берестов, И. В., Вольф, М. Н., Доманов, О. А. (2019). *Аналитическая история философии: методы и исследования*. Новосибирск.
- Berestov, I., Volf, M., Domanov, O. (2019). *Analytic History of Philosophy: Methods and Inquiries*. Novosibirsk. (In Russ.)
- Берестов, И. В., Вольф, М. Н. (2020). Проблема в теории аргументации: можно ли убедить собеседника? Коммуникативно-прагматическое решение. *ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики*. Т. 4 (26). [В печати].
- Berestov, I. and Volf, M. (2020). The Problem in the Theory of Argumentation: Is It Possible to Convince the Interlocutor? Communicative-Pragmatic Solution. *ПРАЕНМА. Journal of Visual Semiotics*. Vol. 4 (26). [In Print]. (In Russ.)
- Бетти, Э. (2011). *Герменевтика как общая методология наук о духе*. Пер. Е. В. Борисов. М.
- Betti, E. (2011). *Hermeneutics as a General Methodology of the Spiritual Sciences*. Borisov E. V. (transl.). Moscow. (In Russ.)
- Вольф, М. Н. (2014). Трактат «О не-сущем, или О природе» Горгия в De Melisso Xenophane Gorgia, V–VI: условно-формальная структура и перевод. *ΣΗΟΛΗ. Философское антиковедение и классическая традиция*. Т. 8. Вып. 2. С. 198-216.
- Volf, M. (2014). Gorgias' "On Not-being or On Nature" in De Melisso Xenophane Gorgia, V–VI: Its Formal Structure and a Translation from the Greek into Russian. *ΣΗΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. Vol. 8. no. 2. pp. 198-216. (In Russ.)

Дэвидсон, Д. (1993). Об идее концептуальной схемы. Сост., вступ. ст., прим. А. Ф. Грязнов. *Аналитическая философия. Избранные тексты*. М.: Изд-во МГУ. С. 144-159.

Davidson, D. (1993). On the Very Idea of a Conceptual Scheme. In Davidson, D. In *Analytic philosophy. Selected texts*. Moscow. pp. 144-159. (In Russ.)

Россиус, Ю. Г. (2015). Учение о ценностях в теории интерпретации Э. Бетти. *История философии*. Т. 20. С. 130-144.

Rossius, J. (2015). The doctrine of values in Emilio Betti's theory of interpretation. *History of Philosophy*. Vol. 20. pp. 130-144. (In Russ.)

Interpretation and overinterpretation. (1992). Umberto Eco with Richard Rorty, Jonathan Culler, Christine Brooke-Rose; edited by Stefan Collini. Cambridge.

Сведения об авторах / Information about the authors

Вольф Марина Николаевна – доктор философских наук, доцент, директор Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева 8. e-mail: rina.volf@gmail.com. ORCID ID: 0000-0003-1458-0440

Берестов Игорь Владимирович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева 8. e-mail: berestoviv@yandex.ru. ORCID ID: 0000-0003-0782-761X

Статья поступила в редакцию 10.09.2020

После доработки 20.09.2020

Принята к публикации 28.09.2020

Wolf Marina – Doctor of Philosophy, associate Professor, Director of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, 8, Nikolaeva Str., e-mail: rina.volf@gmail.com, ORCID ID: 0000-0003-1458-0440.

Berestov Igor – Candidate of Philosophy, Senior Researcher at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, 8, Nikolaeva Str., e-mail: berestoviv@yandex.ru, ORCID ID: 0000-0003-0782-761X.

The paper was submitted 10.09.2020

Received after reworking 20.09.2020

Accepted for publication 28.09.2020